шиво. Девушка не может сказать так, ибо ей неведомо еще, что значит любить не "слишком" или "слишком", откуда бы она чувствовала эти "лишки"? И, вообще, в природе не существует женщины, которая могла бы сказать любимому ею, что он ее любит "слишком"»! [8, с. 217].

Надо признать, что при всей своей строгости и придирчивости Горький во многом верно определил особенности ранней прозы Зайцева и ее основные недостатки. Здесь он сближался с русской критикой 1900-х гг. З. Гиппиус, например, также отмечала, что в ранних рассказах Зайцева "нет, или почти нет ощущения личности, нет человека" [3, с. 16], а А. Блок упрекал писателя за повторяемость тем и образов [3, с. 16]. К. Чуковский еще более резко критиковал Зайцева за отсутствие у его персонажей "индивидуальных особенностей", за то, что все у него – «одно безликое, безглазое "сплошное" животное... без слов, без мыслей» [3, с. 17]. Интересно также сопоставить горьковскую характеристику с оценкой, данной Зайцеву в одной из черновых записей А. Белого: "Не глуп, наблюдателен, но сердце превышает голову: ум – серебро, сердце – даже не золото, а бриллиант, жаль, что талант не соответствует большим моральным движениям. Талант – маленький" [3, с. 22].

Горький с его "удесятеренной силой жизни", яркостью и выпуклостью изображения, эмоциональным гиперболизмом был как художник слова прямым антиподом Зайцева. Если Зайцева не без основания сравнивали с художниками-импрессионистами, то изобразительный метод Горького был ближе, пожалуй, к экспрессионизму с его более яркими, резкими, чем в натуре, красками, преувеличенным динамизмом и экспрессией форм. Естественно, что Зайцев как художник казался ему "жидковатым", слишком "акварельным", а того, напротив, Горький шокировал "грубостью" и "аляповатостью", "волжско-бурлацким" стилем. Однако дело было не только в различии художественных темпераментов и стилей. Главное, что их раздражало друг в друге, крылось гораздо глубже. Это был антагонизм мировоззрений двух писателей. Художественный мир Горького – мир без Бога, мир, в котором царит и властвует Человек. Он допускал существование Бога только как культурно-историческое изобретение человечества. Горькому было свойственно богоборчество. Свидетели его кончины рассказывали, что в предсмертном бреду он продолжал спорить с Богом, елишком плохо, по его мнению, устроившим этот мир и слишком суровым по отношению к человеку.

Прямо противоположен горьковскому духовно-художественный мир Зайцева – мир богоискания и богоприсутствия, "благожелания" и "благоволения". С годами религиозное, христианское начало в его творчестве все более усиливалось. Православная вера привела писателя к созданию беллетризованного жития "Преподобный Сергий Радонежский", книг "Афон" и "Валаам". Православно-христианское мировосприятие Зайцева было чуждо богоборцу и атеисту Горькому, "Сергий Радонежский" вызвал у него явное недоумение и раздражение. 3 июня 1925 г., сообщая В. Вересаеву свои тяжелые впечатления о "духовном гниении" литературной эмиграции, Горький писал: "Б. Зайцев бездарно пишет жития святых" [9, с. 123]. В тот же день в письме К. Федину он высказался еще энергичнее: «С изумлением и ужасом слежу, как отвратительно разлагаются люди, еще вчера "культурные". Б. Зайцев бездарно пишет жития святых» [2, с. 431].

Духовное и творческое развитие двух русских писателей шло по разным путям, в прямо противоположные стороны. Если Горький в обращении Зайцева к жанру жития усматривал его культурное "разложение", то Зайцев с тем же искренним ужасом в писаниях Горького, особенно в его публицистике 30-х годов, провидел разложение личности писателя, все более склонного к компромиссам с безбожной большевистской властью.

В первые годы жизни Горького за границей эмиграция относилась к нему с настороженным ожиданием. Далеко не сразу она стала "травить" писателя, а, напротив, пыталась привлечь на свою сторону. Да и сам Горький долго колебался, сидел, по выражению Г. Струве, "между двух стульев" [10, с. 42]: не порывая окончательно с Россией, не мог смириться с террором властей по отношению к интеллигенции и разрушением культурных ценностей. Смерть В.И. Ленина, которую он воспринял как большое личное горе и огромную потерю для страны, заставила писателя отшатнуться от эмиграции, злорадно, как ему казалось, ликующей по поводу кончины вождя. В свою очередь эмиграция расценила появление горьковского очерка "В.И. Ленин" как шаг писателя к примирению с большевиками.

Настоящая же пропасть между Горьким и литературной эмиграцией пролегла после публикации в советской и эмигрантской прессе в августе 1926 г. его письма Я.С. Ганецкому с выражением скорби по поводу смерти Ф.Э. Дзержинского. На Горького обрушился целый град возмущенных откликов с самых разных сторон. Не смог промолчать и Зайцев. Он опубликовал в парижской газете "Дни" под заглавием "Странник" свои дневниковые заметки, где назвал Горького "другом палачей", который "грязнит собою русскую литературу" и "при случае... отречется от своих слов" [11]. Горький весьма болезненно воспринял это первое открытое выступление Зайцева против него. 25 сентября 1926 г. он писал Е.П. Пешковой: «Едят меня за Ф⟨еликса⟩ Эд⟨мундовича⟩!